

САНИЯ ШАВАЛИЕВА

СТО МЕЛОДИЙ
ИЗ БУТЫЛКИ

Издательство АСТ
МОСКВА
2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш14

Издательство благодарит «Литературное бюро Натальи Рубановой»
за помощь в получении прав на издание книги.

Шавалиева, Саня

Ш14 Сто мелодий из бутылки / Саня Шавалиева. —
Москва: Издательство АСТ, 2025. — 288 с. —
(Городская проза).

ISBN 978-5-17-155064-6

Предпринимательница Ася, главная героиня этого жестко реалистичного и в то же время мистического романа, совершает путешествие в город своего детства с простонародным названием Верхняя Губаха. Город уже почти полностью съеден тайгой и превратился в призрак, и все-таки, как выясняется, там еще доживают жизнь некоторые дорогие Асе люди, которых она не видела более тридцати лет... Только Ася сначала не понимает, что отправляется на раскопки своей личной истории. Ей кажется, что у нее вполне практическая задача — найти клад. Вместе со старым дядей она озабочена поисками заработанного им золота, которое хранила Асина мать, пока дядя, материн брат, отбывал срок в тюрьме. Мать умерла и никому не сказала, где спрятала деньги.

Поиски золота, разумеется, оказываются небезопасны. Надежда и пустота, алчность и фантазия, руины и воспоминания о счастливых мгновениях, ощущение катастрофы и нежность — чувства героев полны противоречий, а приключения трагикомичны и порой совершенно непредсказуемы, как любая жизнь. Тем и интересны.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155064-6

© Текст. Саня Шавалиева, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
АСТ», 2025

Часть первая

Глава 1. Три бутылки монет

Февраль, 1966

Все помнят своё детство, но некоторые не желают его ворошить. Старые фотоальбомы прячут на антресоли и никогда не достают, с притворной ностальгией вздыхая о прошлом.

Другим же, наоборот, воспоминания о детстве — в радость.

...В автобусе постоянно трясёт, но для советских дорог это обычное дело. За окном тихо подрагивают заводские трубы, поселковые трущобы. Справа от водителя, на дерматиновой крышке двигателя сидит чёрная шуба из заячьего меха. Иногда шуба шевелится, заваливается в стороны, падает, хнычет. Никого из пассажиров живая шуба не пугает, потому что все понимают, что в её темноте уютно квартирует ребёнок. Над головой топорщится воротник, рукава торчат в стороны, ковром стелется подол. Когда дорога ровная, над воротником вылупляются голубые глаза, смотрят внимательно, неподвижно. Постепенно ресницы смыкаются, словно ребёнок засыпает, убаюканный слабой вибрацией машины и голосами пассажиров. Когда автобус начинает подниматься в гору, дитя вскрикивает, как будто подаёт сигнал, ведь чем больше крен, тем сильнее опасность скатиться с крышки в салон. Водитель пугается вслед за ребёнком, ловит скользкий мех, оборачивается к жене. Она бы и рада помочь, но у самой на коленях двое.

Колёса отрезают ровные метры дороги, они остаются позади обломками пути. Водитель давит на газ и молится,

чтобы машина не заглохла на подъёме. Двигатель натужно урчит, вредничает, наполняет салон чёрным дымом. Но если включить двигатель на полную мощность, коробка передач на таком морозе точно не выдержит. Так и плетутся. Водителю ещё ничего — окно открыл, дышит морозным воздухом, а пассажиры таращатся слезливыми глазами, по-рыбьи шлёпают губами, распахивают рты до желудка.

Женщина локтем прижимает ребёнка к окну. Отличный способ застопорить падение. Отгибает воротник, всматривается: круглые глазки, шарик носа. Одежда не по размеру хороша тем, что детям невозможно из неё сбежать. Как мушкетёры, завязали, утянули, застегнули.

По расписанию через полчаса надо быть у бани. Выгрузить одних пассажиров, загрузить других. Расписание — это условно. Никто никогда его не придерживается, потому что невозможно предугадать, какую ловушку устроит природа — то лавина сойдёт с горы, то лошадь с повозкой падёт поперёк дороги, то снежный буран завалит машины выше крыш. Но сегодня неплохо, всего минус двадцать без ветра, в небе серое солнце, пытается светить, но не может пробиться сквозь заводской дым. Ещё два рейса — и в гараж. Дома на ужин горячая картошка в мундире, селедочка с хрустящей капустой...

Здесь суровые края. Тайга и горы, внизу Косьва. Река приправлена ядовитыми сбросами «коксохима», на зиму не замерзает. От жёлтой воды камни кажутся ржавыми. Речка мелкая, можно пройти вброд, но никто не рискует ступить в кислоту. Со слов стариков, пока добредёшь до другого берега, мясо сползёт с костей. Правда или только страшилки — непонятно. Но проверять на себе никто не собирается, дураков нет, а чужие здесь не шастают. Правда, говорят, один беглый зэк из Соликамска рванул напрямик, но ведь его не спросишь, может, и проскочил, а может, и пропал в воде. Охранники с собаками потоптались на берегу, потом дали круг через висячий мост.

Вокруг завода стоят бараки, в которых живут семьи заводчан. Коксовары — самые уважаемые, без них никуда.

— Вас забрать? — Водитель автобуса оборачивается к жене.

— Конечно, — пугливо вскидывает она голову. — Куда я с тремя? Околеет на морозе-е. Зойкина совсем кроха, хоть и в шубе-е.

— Зачем ты её взяла?

— Ага. Зойка уже два раза наших шоркала-а.

— Ладно. Тогда третьим рейсом заберу, — соглашается водитель.

— Сам тоже скупнись, четвёртую неделю не мывшись. Я тебе тоже бельё припасла-а. — Женщина говорит быстро, только окончания протягивает. Это привычка говорить на морозе.

— Ладно, посмотрим. Ах ты гад! Прямо под колёса.

— Чего там?

— Да заяц. Жирный, как телёнок, — тихо вздыхает шофёр. — Я бы лучше на охоту сходил, чем в баню.

Автобус цепляется за верхотуру. Слева — пологий обрыв к коксохимическому заводу, впереди — стрелка дороги к городу Кизел, справа — труба общественной бани. Всё беззвучно. Только позвякивают цепи на колёсах — размеренный металлический перезвон. Сейчас к нему добавится говор пассажиров, пока, одурманенные выхлопными газами завода и автобуса, они ждут, когда их выпустят на волю. Сейчас вдохнут стылого прозрачного воздуха. Здесь, на вершине дышать можно сколько угодно и как угодно. Короткими глотками, полной грудью, прикрыв глаза. Ребёнок дышит открытым ртом, языком ловит редкие снежинки.

Ребёнка зовут Асей Мурзиной. Автобус, шуба, баня, лимонад, коржик — это её первые осознанные воспоминания из детства. Чёрная шуба с перспективой «на вырост». Асе в шубе страшно, жутко и одиноко, как в брюхе у медведя. Она делает всё, чтобы избавиться от неё: орёт, дрыгается, сопротивляется, а если не помогает, устраивает истерику со слезами. В этой области Ася спец. Обычно помогает. Но что-то с этой шубой пошло не так. Шлепком по заднице Асе дали понять, что шуба остаётся с ней навеки. Пришлось показательно смириться и задумать пакость.

Упрямыми пальчиками долго подрывала боковые швы и вскоре предъявила матери одёжку, готовую помереть. Мать оказала шубе экстренную помощь, а Асе устроила экзекуцию: подарила её любимого ужика хорошему мальчику. Этот хороший мальчик подарок принял и потом злорадно играл с ужиком перед Асиным носом. Если ужика взять за хвост, то его голова двигалась из стороны в сторону. Когда Ася встречалась с грустным взглядом нарисованных глаз, чувствовала себя предателем. К вечеру ужик не выдержал жестокой игры и развалился на зелёные деревянные бруски.

Ася ненавидит, когда берут её игрушки. Как только кто-то покушается на её пупсика или ёжика, он сразу сталкивается с Асиной тёмной стороной. Отец будет ворочаться в кровати, накрывать голову подушкой, а тем временем Ася будет сидеть у него на животе, раздражённым ором под подушку требуя вернуть своё. Откуда, чёрт возьми, в её голосе столько силы?

Темнеет, в бане много народу. Долго сидят в предбаннике. Людей с собственными тазами пускают без очереди. Одна тётка зашла с большим жёлтым, у второй таз больше похож на кастрюлю: высокие борта с загнутыми краями, украшенные роскошными цветами. Жену начальника шахты с её импортным тазом сопровождают завистливые комментарии: «Ишь, вырядилась! Говорят, у них дома горшок из хрусталя». Кто-то удивлённо переспрашивает, и всезнай-ка заходится новыми подробностями. Она вещает про горы золота и серебра, которые начальник шахты тащит с работы: «В партком ходил, чтобы ещё комнату в бараке выделили. А зачем ему третья комната? А? Я вам точно говорю, алмазы он там прячет».

Если долго сидеть в общественном предбаннике, можно дожидаться удивительных историй. Сегодня — про развратную Пелагею, которая родила неизвестно от кого. Тётка-сплетница, постоянно заправляя волосы под шаль, рассказывает подробности: «Люди не дураки, на мякине не проведёшь, все знают от кого — от пришлого инженера с кокса. В кино ходили, по улице гуляли. А кто ж, как не он?» После рассказа тётки начинаются дебаты: все осуждают,

одна случайно застывает, все скопом набрасываются на неё, словно она и есть развратная Пелагея.

Ася сидит на деревянной скамейке. С потолка капает конденсат. Ася смотрит вверх: вся поверхность в водяных пупырышках. Плесень по углам, потолок в паутине трещин, в глубине которых таятся остатки солнечного света, в мареве стылого пара тусклые лампы без плафона висят призрачными шарами с размытыми краями. Прилетел мокрый шарик на нос, щеку и, наверное, на шапку и шубу. Чтобы шубе досталось больше, Ася ложится на скамейку, разжимает ладошки. На вкус капли прохладные, с примесью извести и металла.

Вскоре Асю поднимают, тащат, раздевают, усаживают в медный тазик с горячей водой. В руки суют резинового жёлтого утёнка. Давишь на бока — и получаешь бесконечное «пирк-пирк-пирк!». На дне утёнка металлическая пукалка. Ася долго её выковыривает. Без неё игрушка становится бездушной. Теперь через дырку утёнок быстро наполняется водой и легко тонет. Пока Ася пытается вернуть пукалку на место, вода остывает. Чтобы согреться, Ася начинает ёрзать, оглядываться. Выясняется, что вокруг много интересного: шум, гам, краны, вехотки из лыка, бруски мыла, голые тётки. Оказывается, все тётки разногрудые и разнозадые. Только одинаково таскают воду в тазиках, намыливают головы, трут бока себе и деткам. Рядом стоит ребёнок, его усердно мылят. Прямо перед глазами Аси в такт движению вехотки у ребёнка между ног болтается пальчик, у Аси такого нет. Присматривается к себе: точно нет. Тянется дотронуться. «Ты чего? Хулиганка! — Бледная тётка, ограждая детёныша от посягательств, переставляет его на другую каменную скамейку, продолжает старательно тереть. — Дашка, твоя девка цепляет моего Кирюшу». «Это не моя, Зойкина. Пусть мир познаёт. А ты свою Кирюшу отправляй в мужское отделение. У него уже... трёхчасовое время, а ты всё таскаешься с ним».

Дошла очередь и до Аси. Она крепится, судорожно поджимает губки. Орать бесполезно. Кругом чужие люди. Мыльная пена жрёт глаза, вехотка старательно сдирает кожу, чужие

пальцы тянут её руки вверх, вытягивая тело в ленточку. Это не мойка, а какое-то наказание. Если доживёшь до конца без слёз и писка, то можешь законно чувствовать себя героем. Ася ещё не знает этих слов, но точно знает, что её ждёт награда — стакан лимонада с коржиком. Ради сладких пузырьков, бьющих в нос, крошек сдобного теста Ася готова претерпеть любые неудобства. Наконец её обливают прохладной водой, укутывают в полотенце, надевают штаны, кофты... шубу. Люди! Поймите, что в шубе невозможно держать лимонад и коржик.

Маленькими ладошками Ася сжимает стакан с обеих сторон, ко рту ей подносят коржик — она иногда откусывает, а если подносят неловко, хватается губами, ломает...

Почему-то именно таким было первое воспоминание из детства.

Июль, 2008

У Аси семейный бизнес, пятьдесят квадратных метров арендованного помещения, товара на сто тысяч рублей, стабильные продажи на три — пять тысяч в день, шесть лет работы без выходных. Целыми днями занята: моет полы, торгует, осваивает программу «1С», бодается с налоговиками, пытается получить кредит на развитие бизнеса.

Два раза приходили из банка для проверки. Для создания эффекта успешности и благополучия на складе разложила стопки носков по пустым полкам — получилось скудно и безлико. Если не дадут кредит, платить за аренду будет нечем. Ася всякий раз трепещет при появлении представителя банка. Молодой человек в синем школьном костюме в полудрёме прохаживается среди пустых полок, непременно перекладывает папочку с бумагами из одной руки в другую. Он уже знает ответ банка этим жалким предпринимателям, но, раз уж пришёл, надо показать стремление выполнить работу. Его напарник заполняет бланк требования.

— Фамилия?

— Мурзина.

Долго пишет.

— Отчество.

— А имени не надо? — удивляется Ася.

— Я записал. Фамилия Мур, имя Зина...

«Как же с вами, предпринимателями, сложно», — говорит его усталый взгляд.

Служащие банка уходят. Ася проходит вдоль прилавка, возвращает носки на место. Раскладывает аккуратно, на ощупь определяя качество: хлопок — тёплый, мягкий, уютно ложится в руки, синтетика — скрипучая, поразительно быстро собирает на себя пыль, но из-за яркого рисунка её берут охотнее — художнику-технологу удалось передать фактуру китайского дракона, сквозь которого просвечивает восточное солнце.

Ещё рано, покупателей нет. Ася долго стоит у окна, в который раз поражаясь работоспособности тушканчиков. Раньше по неопытности принимала их за мышей. Очень уж похожи: землистого цвета шёрстка, большие круглые глаза, приплюснутая мордочка. Только хвост и уши другие. Уши прозрачные, длинные, с ярко выраженным закруглением.

Тушканчики выбрали идеальное место для проживания. Не надо далеко ходить за пропитанием: слева — продовольственные базы, справа — территория молокозавода. За высоким бетонным забором тушканчики и не думают осторожничать: ночью промышляют по предприятиям, днём спят, активно строят норы, загорают.

Ася возвращается к компьютеру, открывает программу. Долго думает над ценниками. Каждый раз удивляется собственной алчности — хочется выставить огромную цифру, которая залатала бы все бюджетные дыры: продал носок — заплатил налог, продал платок — заплатил аренду, продал трусы — погасил транспортные расходы, и так до бесконечности. Но из-за конкуренции больше пятидесяти процентов накинуть не получается. А то и вовсе тридцать. Бесконечная беготня по кругу. А тут ещё новая забота нарисовалась. Из Узбекистана приехал дядя Гена (Гажимжан Шаруифуллович) и рассказал историю тридцатилетней давности. Выяснилось, что ему необходима Асина помощь.

Теперь от неё требуется максимально точно и ёмко вытянуть из памяти детские воспоминания. А их не так уж и много, и они скорее напоминают кладовку с ненужными вещами: чемодан с газетными вырезками, наклеенными на крышку, сундук с металлическими заклёпками и мышеловкой, одинокая серёжка... сломанный ужик.

Ася автоматически стучит по клавиатуре и понимает, что для удобства надо разделить воспоминания по категориям, как в архиве: до школы, в школе, Верхняя Губаха, Новый Город.

Хлопнула дверь. Зашёл невысокий мужчина в синем спортивном костюме. Долго ходил по торговому залу, остановился перед прилавком с мужскими трусами. Щупал, безжалостно мял ценник.

— Почём?

— Сорок три, — продублировала ценник Ася.

— Мой размер есть?

«Выше крыши! Сорок четвёртый — неходовой. Накопилось штук тридцать».

Вытащила из коробки пять упаковок.

— Это чего? — удивился покупатель аккуратно разложенному товару.

— Цвета. Выбирайте.

— Примерочная где?

— Трусы нельзя мерить!

— Я без примерки не могу! — вскинулся он в благородном гневе.

Ася извинилась, стала складывать упаковки в стопочку.

Он быстро выцепил чёрные с мелкими звёздами.

— Мне такой расцветки пять штук!

— Только двое, — обернулась она в зал и обомлела.

Посреди помещения на одной ноге скакал человек с голым задом, второй ногой он пытался попасть в трусы. Спортивные брюки лежали на прилавке, рваная упаковка валялась на полу. Пока Ася задыхалась от возмущения, мужчина, покачивая откляченным задом, уже неловко тянул трусы вверх.

— Вы что творите? — наконец выдохнула она.

Мужчина вздрогнул, обернулся, предстал перед ней всей своей неделикатностью.

— Нельзя же!

Он по-детски заканючил:

— Ну как? Без примерки? — Стал сучить ножками, путаясь в желании «снять или надеть».

Именно в этот момент в зал вошёл Асин муж Руслан вместе с её дядей Геней.

— Что это? — муж кивнул на бесштанного.

— Трусы меряет, — пожаловалась Ася.

— Так нельзя же! — удивился Руслан.

— Так и я о том.

Покупатель молчал, не отрывая взгляда от дяди Гены, который испуганно прятал пистолет в карман брюк. Под тонкой тканью пистолет топорщился и выглядел ещё ужаснее, чем наяву.

«Значит, купили?» — поняла Ася. Честно говоря, не верила, что такое возможно. Руслан с дядей поехали в магазин «Охотник» за травматическим оружием. Неужели так просто? Там были какие-то проблемы с документами, но Ася не вникала в подробности.

— Брат, помощь нужна? — золотые зубы дяди Гены сверкнули блеском кинжала.

Покупатель стянул трусы, путаясь в спортивках, попытался прошмыгнуть мимо дяди Гены.

— А купить? Кто ж после тебя возьмёт? Может, ты сифилисный какой? — дядя Гена перегородил дорогу, потянулся к карману.

Покупатель, вздрогнув, рискнул перейти на обвинения:

— Живодёры! Дерут в три шкуры! А вон там дешевле.

— Что ж ты, уважаемый, там не брал?

— Там нельзя мерить, — признался мужчина, потом тонко вскрикнул и боком-боком проскользнул на выход мимо Руслана.

Руслан с дядей шептались у окна. Дядя пояснял, как «травматик» можно переделать в боевое оружие, удивлялся, что Руслан до сих пор до такого не додумался. Руслан шутиво отнекивался, напрягал мышцы, показывая, что больше

верит в свои кулаки — так мочканёт, что любой сдохнет. Но это больше для хвастовства. Руслан умел договариваться. От прямых столкновений с бандитами уходил в тень, считая, что лучше потерять копейку, чем сгинуть.

В последние годы случился небывалый падёж удачливых предпринимателей. Можно было в местной газете завести отдельную похоронную колонку. Падёж перекинулся на семьи бизнесменов и их любовниц. Городской бизнес таял на глазах. То тут, то там пополз чёрный слухок о братках-бандитах из двадцать седьмого комплекса.

Пока Руслан с дядей шушукались, Ася ставила чайник, обслуживала редких покупателей. С решением они тянули, но Ася не особо расстраивалась. На молокозаводе приближался обед. Скоро база наполнится говорливыми тётушками. Ограниченные стенами завода, они охотливо сбегали на соседнюю оптовую базу, чтобы по пути насладиться летней погодой, солнечным светом, а заодно прикупить то новую косынку, то семена, то игрушку детям. Целыми днями на работе, нет времени даже прошвырнуться по магазинам. А женщине без магазина — всё равно что рыбаку без реки.

Белые халаты молочниц стелились по базе предупредительным туманом, свежими заплатами сквозных помещений. За возможность получить скидки из карманов вытягивали пакеты со сметаной, кефиром, сливками. Женщины быстро выбирали товар, незаметно пропадали. Что ни говори, но работа отражается на характере людей. Работницы молокозавода, как топлёное молоко, томились теплом, солнцем, сытостью. После них утренняя серость настроения превращалась в радугу.

Обеденный перерыв быстро заканчивался. Вокруг колыхались остатки толпы, долетали редкие голоса — Ася почти ничего не разбирала, но смысл был понятен: обсуждают цвета и цены. К прилавку с пряжей подошла женщина, на плече которой болталась самовязаная сумка с тремя синими маками. С утра пятый раз уже заходила, и всё одно и то же: нагло ковырялась в товаре, щупала мотки, прижимала к щеке, лбу, искала конец нити, наматывала на палец,

проверяла нить на разрыв. Рядом в грустном ожидании всегда торчала подруга. Когда нахалка потянула из нутра мотка скатанную нитку, Ася открыла рот, чтобы заступиться за товар; к счастью обеих, подруга дёрнула хозяйку сумки с синими маками на выход. Зал опустел.

Руслан с дядей сидели у окна и, глядя друг на друга, улыбались и обменивались короткими, только им понятными фразами. За то время, пока Ася общалась с покупателями, щёки дяди Гены налились румянцем, словно с зелёным чаем выпил несколько чашек солнечного тепла и света.

— Есть охота, — пожаловался Руслан, — от чая в животе бурчит.

— Рыбный пирог будешь?

Пока резала пирог, хлопнула дверь — вошли покупатели. Ася потянулась за полотенцем.

— Давай я обслужу, — подорвался дядя Гена, — с детства не торговал. Отец жестянщиком был, я сам тапки шил. Мин якши сотувчи (я хороший продавец).

Вскоре из зала раздался залиvistый женский хохот. Дядя балагурил с отменным азартом. У прилавка толкались люди, что-то спрашивали, он мгновенно придумывал нужные слова. Наверное, его золотозубая улыбка привлекала больше внимания, чем товар.

— Ай, краса! Аллах с тобой! Забирай! Всё забирай... Даром отдаю. Чек? Оп! Будет чек. Пять чеков дам. Шестой женой ко мне пойдёшь. Фокус-покус... жёлтый носок с синей каёмкой... Ах, красавица, ты совсем дура или на вид только? На кой ляд тебе носки с каблуками?

Ася прислушалась.

— Сама карга старая...

— Будь ты проклят!

— Сейчас там стрельба начнётся, — пошутил Руслан. — Ты куда?

— Посмотрю.

— Нож оставь.

— Да, да, конечно.

— Ты это видела? Видела, да? — заметив Асю с Русланом, возопил дядя Гена.

Ася с Русланом переглянулись.

Всегда сдержанный, рафинированный дядя никогда не ругался, а тут его словно снесло лавиной.

— Носки с каблуками! — метался он вдоль прилавка.

— Холера тебя задери! — Словно гарцуя на коне, старушка рубила рукой, как шашкой.

— Да что б у тебя от таких слов на языке мех вырос! Да ты сама Баба-яга, зажарить тебя надо.

Ася, ни сном ни духом про носки с каблуками, попыталась оттеснить дядю, но его возмущение набирало обороты. Старушка профессионально выдавала шедевры мата, трёхэтажные тирады про жаб, кривое солнце, трёхвенцовое мужское достоинство. Культура ругани достигла апогея.

— Апа, — в какой-то миг восхитился дядя, — да за тобой записывать надо. — Я пятнаху отмотал, но такого объёма не слышал.

Через несколько минут ошалели все, потому что выяснилось, что носки с каблуками существуют — это были обычные китайские носки с рисунком туфель с каблуками.

— Вот же, — ехидно предьявляла старушка носок. — Вот каблук. А ты злыдень. И чего взялся со мной лаяться?

Дядя поклонился ей поясным поклоном, затем вышел на середину зала и пошёл по кругу в танце дервиша. Кружил-кружил-кружил, накручивал особую древнюю молитву, видимо, для отпущения грехов или успокоения. Навертевшись, он запыхался, раскраснелся. Стыдливо улыбался и извинялся, пока не заметил женщину с силиконовыми губами. В отличие от других людей, на её лице не было никакой реакции, ни улыбки, ни удивления, только ресницы, словно остужая губы, качались опахалом. Как можно ласковее дядя проявил к ней сострадание.

— Упала? Обожглась? Как теперь кушать?

Силиконовые губы улыбнулись, где-то там внутри, настолько далеко и глубоко, что живому человеку не видно. Вдогонку губам приклеенные ресницы захлопали немногословное «пух-пух-пух», в переводе на язык соблазнения — «да-да-да». Без переводчика узбекскому дяде этот язык было не понять.

Ася отправила его на склад есть пирог, он с удовольствием капитулировал.

Когда покупатели иссякли, Ася прибралась на прилавках, зашла на склад. Стало обидно, что весь пирог съели без остатка. А как же она? Теперь до вечера быть голодной? Налила себе чай, потянулась к вишнёвому варенью, который дядя Гена привёз в белом пластмассовом бидоне. Мелкие чёрно-бордовые шарики с горьковатыми зернышками мягко ложились на язык и после двух-трёх прикусов уходили в желудок. Всё-таки узбекское варенье отличается от татарского. Чем? Наверное, переполненностью солнцем, отсутствием воды. Ягоды сухие, мелкие, вызревшие до самого нутра.

Дядя Гена держал чашку левой рукой, а правая лежала на матовой поверхности пистолета, словно на иконе при причастии. Он постоянно ловил на себе косые взгляды Руслана и не обращал на это внимания, как безумец, которого ничто вокруг не волнует.

— Зря вы так, — пожурила Ася дядю. — Здесь не Узбекистан.

Сама сказала, сама удивилась. Откуда ей знать, что там у них в Узбекистане?

— Я понял, — моментально согласился он и ещё больше удивил, когда из-за пояса достал второй пистолет.

— Зачем? — обожглась чаем Ася.

— Из двух один точно доведу, — вздохнул. — В самолёт нельзя. Так я на поезде. Уже присмотрел тайничок. Один спрячу в туалете за панелькой, второй — под мусорным баком в тамбуре какого-нибудь вагона. Если найдут, то без меня.

— А это обязательно? — кивнула Ася на оружие.

— Надо было тебя взять, чтобы купили третий. Подарила бы нужному человеку. Поехали бы и поискали, что надо.

— Не-не-не, — вскинулась Ася. — Это без меня. Я для этого жутко труслива.

Дядя Гена внимательно уставился на неё:

— Ладно. С тебя хватит и воспоминаний.

— Дядь Ген, — удивилась Ася. — Чесслово, не понимаю, о чём вы.